

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

М.В. Строганов¹

Центр краеведения и этнографии Московского государственного университета дизайна и технологии

ДВА ТВЕРСКИХ ЧИНОВНИКА М.Е. САЛТЫКОВ И Н.И. РУБЦОВ. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ²

Отношения М.Е. Салтыкова и Н.И. Рубцова анализируются в свете их политических позиций, при этом позиция Рубцова реконструируется на основании косвенных данных. Отношения Салтыкова и Рубцова отразились в книге очерков В.А. Слепцова «Письма об Осташкове».

Ключевые слова. М.Е. Салтыков, Н.И. Рубцов, В.А. Слепцов, статистика, этнография, очерки

M.V. Stroganov

Center of local history and ethnography, Moscow State University of Design and Technology

TWO OFFICIALS FROM TVER – M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND N. I. RUBTSOV: RECONSTRUCTION RESULTS

Relations between M. E. Saltykov and N. I. Rubtsov are analyzed in the article in the light of their political standing, N. I. Rubtsov's views are reconstructed on the basis of indirect data. The relations between Saltykov and Rubtsov were reflected by V. A. Sleptsov in his book of essays "Letters on Ostashkov".

---

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Московского государственного университета дизайна и технологии, mistro@rambler.ru.

² Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389а).

Key words: M. E. Saltykov, N. I. Rubtsov, V. A. Sleptsov, statistics, ethnography, essays.

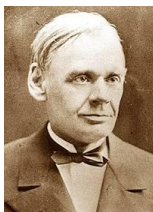
Настоящая статья имеет одну цель, но, как медаль, с двумя сторонами.

Первая сторона лицевая и очевидная – это историческое выяснение отношений тверского вице-губернатора Салтыкова и Н.И. Рубцова, чиновника из его окружения. Поскольку сведения о Рубцове немногочисленны и фрагментарны, собирание их и создание из них достаточно определенного портрета представляет известную трудность, хотя только при наличии этого портрета можно реконструировать отношения Рубцова и Салтыкова. Эта лицевая сторона нашей цели важна, однако по причине «малозначительности» личности Рубцова она может показаться частной и имеющей, так сказать, краеведческий характер. Именно поэтому мы хотим обратить внимание на оборотную сторону цели статьи, которую можно назвать методологической. Эта сторона состоит в определении значения любой (принципиально любой) личности, с которой сталкивается крупный исторический деятель. Можно ли назвать мелкой, малозначительной личностью человека, который попал в поле зрения крупного деятеля и так или иначе отразился в деятельности этого последнего?

Позволим себе привести несколько условный пример. Если в поле зрения писателя Салтыкова попал реальный помещик Иудушка Головлев, и писатель написал его портрет, – можем ли мы считать этого реального помещика (ужасного, вызывающего отвращение) – мелким и малозначительным? Нам возразят, что писатель образ Иудушки не является портретом, что писатель обобщил в нем большое социальное явление. Приведем тогда пример из другого искусства. Всем хорошо известны портреты, созданные В. Серовым. Кому принадлежит психологическая глубина этих портретов? То ли она полностью выдумана художником, то ли хотя бы в известной мере принадлежит и портретируемым лицам? Едва ли стоит давать ответ на этот вопрос не только в начале, но и в конце статьи, ибо дело не в решении вопроса, которое в принципе невозможно, а в правильной

постановке его, которая обязательна для каждого гуманитарного исследования.

Николай Иванович Рубцов, родивший в Твери 3 октября 1825 г., был почти ровесник Салтыкова, который родился в селе Спас-Угле примерно через четыре месяца, 26 января 1826 г. Родился Николай Иванович в семье чиновника И.В. Рубцова, служившего в канцелярии тверского губернатора К.Я. Тюфяева (1831-1834). В его формулярном списке в графе о происхождении значилось: «из обер-офицерских детей». Как справедливо пишет биограф Рубцова, «так обыкновенно было принято в то время называть молодых людей, служивших в разных городских канцеляриях и не желавших почему-либо точно обозначать свое звание, обыкновенно детей разночинцев, крестьян, мещан и церковников» [Рубцов М.В., 1920, с. 5-6]¹.

М.В. Рубцов не уточняет, из какой именно среды происходили Рубцовы, но мы можем почти определенно утверждать, что это была церковная среда, поскольку в Твери было несколько других известных священнослужителей с этой фамилией. [См.: За отличную и ревностную службу лиц. 1862, с.

---

¹ Это единственная работа, которая посвящена специально Н.И. Рубцову и имеет исследовательский характер. При сообщении биографических сведений о тверском периоде М.В. Рубцов опирается на формулярный список Н.И. Рубцова, а о событиях его жизни с конца 1860-х гг. рассказывает по устным преданиям тверяков. Все сообщаемые им сведения в настоящее время без ссылок используются другими авторами. Мы также не ссылаемся на его брошюру и приводим ссылки только в тех случаях, когда опираемся на другой источник информации. Современная литература о Н.И. Рубцове в тверской периодике почти всегда опирается на основательную работу М.В. Рубцова. Но поскольку сведения этого автора не проверяются другими документами, оценкам по большей части не хватает критичности; см.: Сергеев Илья, 2012; Ульянов Андрей, 2013; Ульянов Андрей. Б. д.

426 (награжден камилавкою священник Николаевской церкви Твери Василий Рубцов); Высочайшая награда, 1871, с. 521].

Рубцов с отличием окончил тверскую гимназию (1842) и поступил в Московский университет. Но курса он не завершил (по официальной версии, по состоянию здоровья, но скорее всего из-за финансовых проблем) и с 1845 г. служил в Твери при губернаторах А.П. Бакуanine (1842-1857), графе П.Т. Баранове (1857-1862), князе П.Р. Багратионе (1862-1868). Рубцов был старшим помощником правителя канцелярии Бакунина (1842-1857) и одновременно служил старшим секретарем губернского правления (с 1853), а по назначению П.Т. Баранова и в Тверском губернском статистическом комитете без освобождения от прежних обязанностей (с 1857). Но 7 марта 1861 г. он был освобожден от должности старшего секретаря губернского правления в связи с назначением на должность секретаря губернского по крестьянским делам Присутствия с причислением к канцелярии начальника губернии. В 1860-е гг. Рубцов периодически исполнял обязанности вице-губернатора, в 1866 г. он состоял старшим советником губернского правления, а в 1868 г. – советником трех распорядительных отделений. При столь многочисленных и видных служебных местах, к концу своей службы в Твери Рубцов имел сравнительно невысокий чин VII класса – надворного советника. Но когда в 1868 г. князь П.Р. Багратион был переведен из Твери на должность гражданского губернатора Вильны при генерал-губернаторе А.Л. Потапове, он предложил Рубцова на должность вице-губернатора в Ковно (современный Каунас). На прощальном обеде, который состоялся 1 апреля 1869 г. в Тверском благородном собрании, Ф.Н. Глинка прочитал посвященные Рубцову стихи:

Что сгрустились сердца?
Что случилось у нас?
Ах, у нас из венца
Укатился алмаз...
И любимец дворян, и крестьян, и купцов,
И товарищ, и друг,
И работник повсюду *за двух*,
Уезжает из Твери *Рубцов!*..

Уезжает для высших он целей;
Но всё ж грустно, что сети чужих рыбаков
Выловляют из наших садков
На отбор стерлядей да форелей!..
Но судьбу не судить!
Что сбылось, тому быть!
А в подкрепу радушного слова
Поспешим мы бокал свой налить
И *зздравный* высоко вознестъ
Как бокал, напеняемый в честь
Дорогого для Твери Рубцова! [Рубцов М. В., 1920, с. 15-16]

Однако 22 сентября 1868 г. князь Багратион занял должность Лифляндского, Курляндского и Эстляндского генерал-губернатора, а Рубцов, в свою очередь, переехал в Вильно в качестве управляющего канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора А.Л. Потапова. Кроме этого Рубцов был директором канцелярии губернатора, управляющим политического отделения генерал-губернатора, занимая и другие важные должности. С чином тайного советника (чиновник III класса) он вышел в отставку и в течение 6 лет был городским головой Вильны. За свою службу Рубцов был награжден орденами Станислава II степени, Анны II степени, Владимира III и IV степеней. В 1874 г. он получил в собственность имение Карповичи (Карповец) в Белостокском уезде Гродненской губернии и был внесен со своим родом в дворянскую родословную книгу. Несомненно, что все эти награды Рубцов получил за проведение государственной политики по русификации западных областей; и особо здесь следует отметить поощрение недвижимостью, столь редкое для конца XIX в. В самом Вильно он имел дом и участок земли на Ботанической улице (район Ботанического сада?).¹ Здесь он и

---

¹ Литовский государственный исторический архив ((Lietuvos valstybes istorijos archyvas). Фонды Каунасского уездного архива. Ф. 1345. Личный фонд Н. И. Рубцова, управляющего канцелярией Виленского генерал-губернатора. Оп. 1. 1861-1897-1909. 31 дело. Благодарю А.И. Федуту и Н.А. Морозову, при любезной помощи которых мне стали известны материалы этого фонда. По материалам этого фонда впервые устанавливается точная дата смерти Н.И. Рубцова (ранее всегда указывался только год смерти).

умер 9 ноября 1895 г., и похоронен на Евфросиньевском кладбище [Савицкий Лев, 1938].

Нас в данном случае интересует, конечно, тверской период, с 24 июня 1860 по 19 апреля 1862 г., когда Рубцов и Салтыков постоянно встречали друг друга, живя в одном городе.¹ При этом мы не имеем фактического материала взаимных оценок и характеристик, поэтому в своей реконструкции отношений должны опираться только на косвенные данные.

Несомненно, что Салтыков, став вице-губернатором Твери, сразу же должен был познакомиться с Рубцовым. Дело в том, что Салтыков был фактическим председателем губернского правления (официальным был губернатор), а Рубцов – старшим секретарем [Памятная книжка. 1861, с. 2]. Кроме того, оба они были членами губернского статистического комитета, где Рубцов числился «исполнителем работ», то есть делопроизводителем и секретарем [Памятная книжка. 1861, с. 10]. Помимо этого, Баранов 28 декабря 1860 г. предложил Салтыкову стать членом присутствия по крестьянским делам; тот согласился при условии сохранения «должности тверского вице-губернатора». Баранов рекомендовал 11 января 1861 г. кандидатуру Салтыкова министру внутренних дел, и хотя Салтыкова не утвердили в этой должности, ему разрешили посещать заседания без права голоса [Салтыков М.Е. 1965-1977, Т. 18-

---

1. Награждение орденами, переписка с Варшавским, с Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернаторами, Виленским городским головой, географическим и минералогическим обществами, назначение управляющим политического отделения Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, внесение фамилии Рубцовых в дворянскую родословную книгу, командировки в Белосток и Петербург, избрание членом уездных училищных советов и географического общества. 1861-1862.

2, 4, 5. Имущественные дела по дому и участку земли в Вильно. 1871-1893.

3, 6-10. Имущественные дела по имению Карповичи (Карпинец). 1874-1897.

11. Завещание Н.И. Рубцова. 9 ноября 1895.

12-31. Жена А.С. Рубцова. Дети С.Н. Борзенко, Л.Н. Кулаковская, Н.Н. Рубцов. См. также: ЦГИА БССР (Гродно). Ф. 863. 31 ед. хр., 1861-1909.

¹ Наиболее полное освещение этого периода в жизни Салтыкова см.: М.Е. Салтыков и Тверской край. 2009. С. 235-315.

1, с. 234]. Рубцов же 7 марта 1861 г. был назначен секретарем этого присутствия, в связи был освобожден от должности старшего секретаря губернского правления, то есть от подчинения вице-губернатору Салтыкову. Итак, во всех этих трех административных структурах Рубцов и Салтыков неизбежно встречались на заседаниях. Более того, Салтыков как фактический председатель губернского правления и Рубцов как старший секретарь его просто вынуждены были находиться в постоянном контакте. Это отразилось в редких специальных отметках. В частности, 22 февраля 1861 г. Салтыков подписал постановление губернского правления о том, что за халатное исполнение своих обязанностей исправнику Вельеговского уезда, который своевременно не обратил внимания на беспорядки в имениях помещиков Савельева и Черткова, был «сделан выговор с запискою в штрафную книгу». А в скобках к этому месту сделано примечание: «уведомить о сем стар<шего> секр<етаря>» (цит. по: [Князев И. В., 1969, с. 135]).

Но помимо встреч на служебном поприще, Рубцов и Салтыков могли встречаться и на поприще общественном. Вскоре после приезда Салтыкова в Тверь губернатор Баранов как председатель попечительского комитета недавно открытой Тверской публичной библиотеки предложил ему войти в состав комитета, и Салтыков принял это приглашение [Документальные материалы. 1961, с. 22-23]. Рубцов же был инициатором создания библиотеки и распорядителем ее средств в первое время ее существования (в Государственном архиве Тверской области хранятся документы, связанные с этой деятельностью) [При устройстве библиотеки. 1995, с. 5-19], поэтому и в этой сфере они могли встречаться. Здесь следует заметить, впрочем, что эта деятельность Рубцова подчас уходит в тень рядом с именами купца А.Ф. Головинского, оказавшего финансовую поддержку проекту, и Салтыкова, споспешествовавшего получению положения о библиотеке из Рязани, где таковая была уже открыта.

Однако, повторим, никаких сведений об этих встречах у нас нет: мы не знаем ни отзывов Рубцова о Салтыкове, ни высказываний Салтыкова о Рубцове. Мы можем только предположить, что каждый из них ценил в другом добросовестное отношение к службе, но дальше этого все наши предположения становятся крайне гипотетичными. Трудно сказать, как относился Рубцов к той исключительной энергии,

---

с которой Салтыков осуществлял правовую защиту крестьян, поскольку его собственные суждения о помещичьем произволе нам неизвестны. Более того, поскольку Рубцов не был землевладельцем и не имел крепостных, поэтому мы не знаем его отношения к крестьянской реформе 1861 г.

Первые выявленные нами публикации Рубцова относятся к 1859 г. Эти очерки: «Новый дом тверской гимназии и освящение его» [Р.Н. 1859. 10 октября, с. 129-130] и «Тверская хроника» [Р-в Н. 1859. 17 октября, с. 130-131], в которой описывалось освещение улиц Твери спирто-скипидарною жидкостью, – могли вызвать скорее критическую насмешку Салтыкова, который всегда резко негативно относился к тому, когда жители прочувствованно воспевали успехи местной администрации. Салтыков признавал достоинств нового здания тверской гимназии, но он прекрасно помнил, сколько средств было потрачено впустую (если не разворовано) в течение того долгого времени, когда это здание строилось, и не считал возможным радоваться и проходить молча мимо этих фактов небрежности и хищений.

Другое дело, что Салтыков должен был заинтересоваться литературно-общественной и исследовательской деятельностью Рубцова в области статистики и этнографии, которая была связана с его службой в Тверском губернском статистическом комитете. Эта служба предопределила и общественную деятельность Рубцова. Здесь же следует отметить, что в последний год своей жизни в Твери, в 1868-1869 гг. он участвовал в переписи ее жителей.

Вполне закономерно, что «Памятные книжки Тверской губернии» на 1863, 1865 и 1868 гг. выходили именно под редакцией Рубцова: статистическая информация составляла главное содержание этих выпусков. Но для сбора этой информации Рубцов совершал поездки, во время которых знакомился с общественной и экономической жизнью губернии, с бытом и нравами, культурой, языком разных уездов. Поэтому столь же закономерен его интерес к прошлому, так как понимание современного экономического состояния того или иного региона предполагало знание его предыстории (это отчасти отразилось в его очерках). Но, интересуясь прошлым, Рубцов во время своих поездок в 1860-е гг. не мог не

собирать этнографические материалы, которые и составили впоследствии основу экспозиции Тверского музея, 9 августа 1866 г. открывшегося в помещении тверской мужской гимназии. Поскольку именно его коллекция легла в основу экспозиции музея, Рубцова принято считать его создателем [О Тверском музее. 1880, с. 5. Перепечатка статьи из «Тверского вестника»], хотя при этом подчеркивается и роль А.К. Жизневского.

В случае с музеем мы видим тот же сценарий, что и в случае с библиотекой. Рубцов был активным деятелем, собирателем материалов, но его социальное положение не позволяло ему стать на видное место при осуществлении проекта. Как и в своей чиновничьей карьере, в общественных проектах он оставался делопроизводителем и казался простым делопроизводителем чужих идей и затей. Хотя на самом деле роль его (во всяком случае в общественных проектах) была гораздо более значимой, нежели кажется с первого взгляда.

Главными в литературном наследии Рубцова являются разные по объему очерки пяти уездных городов Тверской губернии: Ржева (с элементами путевого очерка) [Р-в Н. 1859. 31 октября, с. 141-144; Р-в Н. 1859. 7 ноября, с. 156-159; Р-в Н. 1859. 28 ноября, с. 160-162], Осташкова [Рубцов Н. 1861. 4 ноября, с. 200-203; Рубцов Н. 1861. 11 ноября, с. 204-208; Р-в Н. 1863. 15 апреля, с. 32-41; Р...в Н. 1863. 27 апреля, с. 48-50; Р...в Н. 1863. 4 мая, с. 51-53; Р-в Н. 1863. Отд. 3, с. 119-190. Дата: Январь 1863 г.; Р-в Н. 1913, с. 39-47 (перепечатка: Р-в Н. 1863. Отд. 3, с. 178-185)], Торжка [Р-в Н. 1865. Дата: 1864 г.], Кашина [Р-в Н. 1868. Дата: 1867 г. Сентябрь] и Старицы [Р-в Н., 1880]. Рубцов подписывал свои работы псевдонимами Н. Р-в и Н. Р...в, но это никого не обманывало; например, И.И. Кольшко в своем путешествии неоднократно называет автора «Очерка Осташкова» господином Р-цовым [Кольшко И.И., 1887, с. 205-211, 220, 235],¹ а

---

¹ Кроме «Очерка Осташкова», Кольшко широко использовал и «Очерк Торжка» и целыми страницами списывал у Рубцова характеристики этих городов. Из травелога Кольшко, впрочем, не ясно, осознавал ли он, что автором обоих очерков является один и тот же человек. Описание Ржева, которое было опубликовано только в «Тверских губернских ведомостях», Кольшко, очевидно, просто не знал. Кашин и Старицу он не посещал и не описывал, поэтому о знакомстве его с этими очерками мы судить не можем.

М.В. Рубцов прямо пишет об этих очерках как о принадлежавшем Н.И. Рубцову. Однако один раз (при первой газетной публикации об Осташкове) Рубцов подписался полным именем, и внимательный читатель мог самостоятельно идентифицировать личность автора.

Все очерки начинаются с краткого обозрения истории города от времен основания до конца царствования Екатерины II. Во второй, самой большой части каждого очерка описывается состав и численность населения, культовые учреждения, климатические условия, промыслы и промышленность, медицинские, благотворительные, образовательные и культурные учреждения. А в самом конце каждого очерка даны краткие этнографические зарисовки: традиции и обряды Ржева, Осташкова, Торжка, Кашина и Старицы. Надо заметить, что очерки традиционной культуры занимают у Рубцова второстепенное место: для него это дополнительная и не вполне обязательная (скорее даже рекреационная) информация. Более того, в очерке о Торжке Рубцов приводит обширную цитату из путевых записок П.И. Небольсина о нравах молодежи города [Небольсин П.И., 1850, с. 10-16], поскольку его собственные наблюдения уже не дают этого материала. Сам Рубцов описывает только свадебные обряды Осташкова и Торжка, впрочем, довольно подробно и детально чины свадебного поезда и блюда свадебного стола. Однако лишь в очерке об Осташкове он приводит тексты двух свадебных песен княжьего стола, несколько причитаний невесты и два текста, исполняемые нищими паломниками, которые следует отнести, очевидно, к прихрамовому фольклору. В очерке Кашина Рубцов ссылается на замкнутость местного населения как на причину недоступности фольклорно-этнографического материала, зато очень подробно описывает костюм городского населения (женский и мужской), чем восполняет недостаток известных книг Ф.Г. Солнцева, в которых кашинский народный костюм вообще не представлен [Древности Российского государства. 1851; Солнцев Ф.Г., 1869].

Салтыков, возможно, ценил статистические занятия Рубцова. Но для понимания истинного отношения Салтыкова к Рубцову следует учесть один очень важный факт, к которому мы теперь и обратимся.

Обычно считается, что очерки В.А. Слепцова «Письма об Осташкове» были написаны в ответ на панегирические статьи об осташковских городских учреждениях. При этом исследователи называют только одну такую панегирическую статью – о пожарной команде (Московские ведомости. 1860). Сам Слепцов в записной книжке в качестве источников называет две публикации (но не «Московские ведомости» 1860 г.): [Ст-жо Е. 1840; Отчет. 1861]. А существовали ли еще и другие статьи – неизвестно. Между тем первый очерк Рубцова об Осташкове «Записка о промышленности города Осташкова» появился в печати 4 и 11 ноября 1861 г., когда Слепцов уже, возможно, активно собирал материал в Осташкове. Однако Салтыков, который с 1860 г. был уже тверским вице-губернатором и который по обязанности подписывал «Тверские губернские ведомости» к печати, мог знать материал Рубцова и ранее. Кстати, именно он подписал и номер с материалом [Отчет. 1861].

И обычно же все исследователи пишут, что Слепцов отправился в Осташков по рекомендации редакции «Современника». Но кто из людей, причастных к «Современнику», лучше других мог знать реальную ситуацию в Осташкове? Конечно же, Салтыков. Как известно, Салтыков 2-7 ноября 1861 г. посетил Петербург для объяснений с руководителями «Современника» (Н.А. Добролюбовым, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым) по поводу подозрений в причастности к установлению властями авторов прокламации «Великорусс» («Обручевская история») [Макашин С., 1972, с. 373-383]. И именно в это время Салтыков и мог рассказать в редакции «Современника» об Осташкове, о котором сам он не имел возможности писать в той документальной манере, которая требовалась в данном случае, поскольку служил еще в Твери. Слепцов же был в Осташкове по заданию «Современника» глубокой осенью и зимой этого года [После 19 февраля 1861 г. 1963. С. 279], сразу после приезда в Петербург Салтыкова. Думается, что связь этих фактов друг с другом очевидна.

Учитывая это, мы лучше понимаем, что имел в виду Салтыков в статье «Несколько полемических предположений. Из письма в редакцию», когда писал о методе сбора материала, который Слепцов применил в «Письмах об Осташкове». В это время Салтыков уже расстался с тверским вице-губернаторством и мог позволить себе

полную откровенность: «Посредством болтовни можно восстановить физиономию не только известного лица, но даже целого города, целого общества. Прочитайте, например, в „Современнике“ „Письма об Осташкове“. По-видимому, там нет ни таблиц, наполненных цифрами, ни особенных поползновений на статистику; по-видимому, там одна болтовня. Люди закусывают, пьют ужаснейшую мадеру, несут великий вздор о старинных монетах и жетонах; однако за всей этой непроходимой ахинеёй читателю воочию сказывается живая жизнь целого города с его официальной приглаженностью и внутреннею неумытостью, с его официальным благосостоянием и внутреннею нищетою и придавленностью...» [Салтыков М.Е. 1965-1977, Т. 5, с. 265]. В этом пассаже Салтыков со всей очевидностью противопоставляет «беллетристическую» манеру Слепцова «статистической» манере Рубцова, в очерках которого есть и «таблицы, наполненные цифрами», и «особенные поползновения на статистику», но нет противопоставления «официальной приглаженности и внутренней неумытости», «официального благосостояния и внутренней нищеты и придавленности».

Справедливости ради следует сказать, что Рубцов не ограничивался официальной статистикой и достаточно часто дополнял ее сведения «внутренней» информацией, полученной в процессе «болтовни». Таковы, в частности, критические оценки богоугодных и сиропитательных учреждений Осташкова. Приведя таблицу смертности детей в осташковском приюте для малолетних, Рубцов писал: «Эти цифры <...> ясно показывают, до какой степени велика смертность в осташковском сиротском доме, но признаемся, мы имеем основание думать, что эти цифры далеко недостоверны. Во время посещения сиротского дома мы видели там до восьми грудных детей и только шесть подростков; частные отзывы говорят, что за весьма редкими исключениями все поступающие в сиротский дом дети умирают; это же самое подтвердила взятая врасплох и жена смотрителя дома, на которую возложен преимущественно надзор и попечение о малолетних. Тяжело становится при взгляде на этих несчастных детей, которые заранее осуждены на смерть и могут спастись от нее каким-то чудом» [Р...в Н. 1863. 4 мая, с. 52]. Этот эпизод очень близок к тому проекту постановления губернского

правления о положении дел в Кашинском сиротском доме, который написал Салтыков: «Смертность столь значительная, что невольным образом обращает на себя внимание, ибо, по собранным сведениям, количество поступающих ежегодно в сиротский дом младенцев почти всегда равняется количеству младенцев умирающих, а иногда последнее даже превышает первое» [Журавлев Н.В., 1961, с. 134-135; Князев И.В., 1969, с. 148]. Салтыков должен был признать полную справедливость Рубцова, который писал, что «главную, если не исключительную роль» в этой смертности играет «недостаток попечения о детях и полнейшее к ним равнодушие. У нас, по обыкновению, достаточно только позаботиться, чтобы было благотворительное заведение, приличное городу, и отпускать на содержание его деньги, а до того: выполняет ли вполне это заведение свое назначение – и дела нет» [Р...в Н. 1863. 4 мая, с. 52].

Но далее Рубцов приступал к изложению своей положительной программы, к программе преобразований. Он предлагал увеличить число кормилиц, сделать поступление детей в сиротский дом более открытым и считал, что этих мер будет вполне достаточно для решения замеченных проблем, поскольку в Осташкове «на каждом шагу видна попечительность и забота о благоустройстве» [Р...в Н. 1863. 4 мая, с. 53]. Совершенно ясно, что Салтыков эти предложения должен был признать прекраснодушными мечтаниями и высмеять их. Там, где Рубцов подчеркивал «попечительность и заботу о благоустройстве», там Салтыков обнаруживал и обнажал перед другими их отсутствие, и потому он должен был считать критику Рубцова беззубой и недейственной. С точки зрения Салтыкова, эти меры могли привести только к «официальной приглуженности», к «официальному благосостоянию», но для того, чтобы избавиться от «внутренней неумытости», от «внутренней нищеты и приниженности», этих мер было явно недостаточно.

В этом смысле следует обратить внимание на то стихотворение Глинки, которое он написал на отъезд Рубцова из Твери. Глинка и Салтыков были в Твери лидерами полярных литературно-политических лагерей [Строганов М.В., 2009, с. 8-26], поэтому высокая оценка Глинки предполагала прямо противоположную оценку Салтыкова. Да и в целом пафос Рубцова, либо нейтральный, либо восторженно одический, не соответствовал

отношению Салтыкова к тем острым социальным проблемам, которые со всей неизбежностью вставали за статистическими таблицами Рубцова об оплате труда крестьян и фабрично-заводских рабочих.

Итак, мы попытались показать, что знакомство с Рубцовым и его сочинениями подтолкнуло Салтыкова подсказать редакции «Современника» командировать в Осташков Слепцова, что привело к появлению интереснейшего документа эпохи – книги «Письма об Осташкове». Уже поэтому личность Рубцова имеет общественный интерес. Но наша статья построена... одни скажут: на догадках; другие возразят им: на сопоставлении и связи фактов. Для того чтобы опровергнуть наше построение, следует построить новое. А до той поры наше построение следует признать работающим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Высочайшая награда орденом Тверской духовной консистории столоначальника, коллежского асессора Арсения Рубцова // Тверские губернские ведомости. – 1871. – № 89. Часть официальная. – С. 521.

Документальные материалы Государственного архива Калининской области о М.Е. Салтыкове-Щедрине: Перечень дел и документов / Сост. В.Д. Чернышов. – Калинин: Калининское кн. изд-во, 1961. – 39 с.

Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I / Рисованы академиком Ф. Солнцевым. – Москва, 1851. Вып. 4: Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты. – 88 с.

Журавлев, Н.В. Салтыков-Щедрин в Твери. 1860-1862 / Редакция, биографическая справка и вступительная статья Н.В. Яковлева Н.В. Журавлев. – Калинин: Калининское кн. изд-во, 1961. – 215 с.

За отличную и ревностную службу лиц Тверской епархии по военному и гражданскому ведомствам: Награды // Тверские губернские ведомости. – 1862. – № 28. Часть официальная. – С. 426.

Князев, И.В. М.Е. Салтыков-Щедрин в Твери (1860-1862 гг.): Летопись служебной деятельности / И.В. Князев // Учен. зап.

Астраханского гос. пед. ин-та. Т. 27: Вопросы литературы и журналистики. – Астрахань, 1969.

Кольшко, И.И. Очерки современной России / И.И. Кольшко. – Санкт-Петербург: Тов-во «Общественная польза», 1887. – С. 1-240.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860-х годов: Биография / С. Макашин. – Москва: Художественная литература, 1972. – 600 с.

Небольсин, П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул / П.И. Небольсин. – Санкт-Петербург: Тип. Глазунова, 1850. – С. 10-16.

О Тверском музее // Тверские губернские ведомости. – 1880. – № 33. Часть неофициальная. – С. 5.

Отчет Осташковского общественного банка Савина за 1860 год // Тверские губернские ведомости. – 1861. – № 13. 1 апреля. Часть официальная. Отдел второй. – С. 170-172.

Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. – Тверь: Тверской губернский статистический комитет; Тип. Губернского правления, 1861. – 336 с.

После 19 февраля 1861 г. <«Я хочу сообщить вам...»> / Публикация Л.А. Евстигнеевой, Д.М. Климовой и М.Л. Семановой // Литературное наследство. – Т. 71: Василий Слепцов: Неизвестные страницы. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 277-285.

При устройстве библиотеки в Твери господствовала самая дельная, самая разумная мысль... (К 135-летию Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького) // Из истории тверских библиотек. – Тверь, 1995. Вып. 1. – С. 5-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/russia/tver/institutions/gorky-library/>.

Рубцов, М.В. Краткие сведения об основателе Тверского музея Николае Ивановиче Рубцове / М.В. Рубцов. – Тверь: Изд. Союза потребительских обществ «Тверское посредническое т-во кооперативов», 1920. – 16 с.

Р.Н. Новый дом тверской гимназии и освящение его // Тверские губернские ведомости. – 1859. 10 октября. – № 41. Часть неофициальная. – С. 129-130.

Р-в Н. Тверская хроника // Тверские губернские ведомости. – 1859. 17 октября. – № 42. Часть неофициальная. – С. 130-131.

Р-в Н. Путевые заметки по Тверской губернии. Ржев // Тверские губернские ведомости. – 1859. 31 октября. – № 44. Часть неофициальная. – С. 141-144.

Р-в Н. Путевые заметки по Тверской губернии. Ржев // Тверские губернские ведомости. – 1859. 7 ноября. – № 45. Часть неофициальная. – С. 156-159.

Р-в Н. Путевые заметки по Тверской губернии. Ржев // Тверские губернские ведомости. – 1859. 28 ноября. – № 48. Часть неофициальная. – С. 160-162

Рубцов Н. Записка о промышленности города Осташкова // Тверские губернские ведомости. – 1861. Часть неофициальная. 4 ноября. – № 44. – С. 200-203.

Рубцов Н. Записка о промышленности города Осташкова // Тверские губернские ведомости. – 1861. Часть неофициальная. 11 ноября. – № 45. – С. 204-208.

Р-в Н. О промышленности города Осташкова // Тверские губернские ведомости. – 1863. Часть неофициальная. 15 апреля. – № 15. – С. 32-41.

Р...в Н. Публичная библиотека в г. Осташкове // Тверские губернские ведомости. – 1863. 27 апреля. – № 17. Часть неофициальная. – С. 48-50.

Р...в Н. Об осташковских больнице, богадельне и сиротском доме // Тверские губернские ведомости. – 1863. 4 мая. – № 18. Часть неофициальная. – С. 51-53.

Р-в Н. Очерк Осташкова // Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. – Тверь: Тверской губернский статистический комитет; Тип. Губернского правления, 1863. Отд. 3. – С. 119-190.

Р-в Н. Свадебные обычаи в Осташковском уезде в половине XIX века // Тверская старина. – 1913. – № 2, март-апрель. – С. 39-47.

Р-в Н. Очерк Торжка // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. – Тверь: Тверской губернский статистический комитет; Тип. Губернского правления, 1863. Отд. 3. – С. 66-130.

Р-в Н. Очерк Кашина // Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год. — Тверь: Тверской губернский статистический комитет; Тип. Губернского правления, 1863. Отд. 3. – С. 298-395.

Р-в Н. Этнографический очерк города Старицы // Тверской вестник. – 1880. – № 5.

Савицкий, Лев, священник. Православное кладбище гор. Вильно. К столетию кладбищенской церкви св. Ефросинии. 1838-1938 гг. / Л. Савицкий. – Вильно, 1938. – 54 с.

Салтыков, М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1965-1977.

М.Е. Салтыков и Тверской край / Составитель Е.Н. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Научный ред. Е. Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. – С. 235-315.

Сергеев, Илья. Организатор тверской статистики // Тверские ведомости. – 2012. 10 августа.

Солнцев, Ф.Г. Одежды Русского государства. – Санкт-Петербург, 1869.

Ст-жо, Е. Осташков // Северная пчела. – 1840. – № 251. 6 ноября.

Строганов, М.В. М.Е. Салтыков и Ф.Н. Глинка // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Научный ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. – С. 8-26.

Ульянов, Андрей. № 23. Рубцов Николай Иванович (1825-1895). Основатель Тверского музея. 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://tverigrad.ru/publication/23-rubcov-nikolaj-ivanovich-1825-1895>. (14. 04. 2016)

Ульянов, Андрей. № 23. Рубцов Николай Иванович (1825-1895). Основатель Тверского музея [Электронный ресурс]. – URL: <http://tver.bezformata.ru/listnews/rubtcov-nikolaj-ivanovich-1825/10973482>. (14. 04. 2016).